духов угощения называются *калан*. Так же называют и еду самого шамана, необходимую ему во время камлания. Еду подавали шаману в минуты экстаза, чтобы поддержать его дух.

Обязательными атрибутами шамана являются шапка, халат, пояс, посох, бубен с колотушкой, металлические круги и др. Так например, каса саману для выполнения роли проводника душ в мир буни требовались особая шапка *хуин,* посох *болао,* на котором, главным образом на набалдашнике, вырезывалось много фигурок пресмыкающихся и хищных зверей, поверх халата надевались разного вида *толи* — круглые металлические бляхи, которые, по представлениям нанайцев, защищают определенные части тела шамана. Самые большие бляхи бывают диаметром 20—25 см и служат щитами для спины и груди шамана. Они же защищают и его сердце. Толи меньшего размера служат щитами для почек, печени и других внутренних органов. Все они соединены между собой ремешками.

Самыми необходимыми атрибутами для каждого шамана являются бубен с колотушкой и пояс. Бубен — *умчухун.* Колотушка для ударов по бубну — *гисил.* Пояс шамана с металлическими конусообразными подвесками — *янгпан.*

Во время камлания шаман надевал на голову венок из длинных наподобие серпантина стружек, ими же обвязывал запястья рук и ног. Стружки эти называются *гиасадан,* или *хоболдин,* и символизируют связи шамана с его духами-покровителями.

Изучение довольно богатого пласта лексики, связанного с мифологией и обрядами нанайцев, должно, как нам кажется, способствовать более глубокому проникновению в отживающее свой век религиозное миропонимание народов, еще сравнительно недавно находившихся на стадии первобытной общины.

Ч. М. Таксами

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПРИРОДЕ И ЧЕЛОВЕКЕ У НИВХОВ

В настоящей статье мы приведем материалы, характеризующие лишь некоторые представления нивхов о природе и человеке, существовавшие у них в середине XIX—начале XX в. Эта сложная и многогранная тема ранее не была специальным объектом исследования гиляковедов, хотя сведения, связанные с ней, встречаются в трудах по истории, этнографии и фольклору нивхов.[1]

Период русской колонизации нижнего Амура и Сахалина является новым этапом в общественном развитии нивхов — они впервые в своей истории стали жить в системе государства.

Присоединение к России районов нижнего Амура и Сахалина и освоение их оказали влияние на характер традиционных промыслов и способствовали возникновению у нивхов новых видов занятий. Новые социально-экономические условия жизни, сложившиеся в районах расселения нивхов, содействовали изменению их мировоззрения. Некоторая часть нивхов, работая у капиталистов-рыбопромышленников и других владельцев частных предприятий, естественно изменялась как в идеологическом, так и в социальном отношении. Таким образом, еще в досоветское время были замечены, с одной стороны, процесс пролетаризации нивхов, с другой — процесс разрушения первобытных устоев, в частности первобытно-родовых отношений, первобытного равенства. Эти обстоятельства сказались на мировоззрении нивхов.

По традиционным воззрениям нивхов, вселенная состоит из нескольких миров, среди которых выделялись мир земных людей — *миф,* подводный мир *тол,* небесный мир *тлы* и подземный мир *млы.* В каждом мире имелось божество *таяӈан,* которое являлось создателем существ своего мира. Нивхи, жившие в основном рыбной ловлей и морской охотой, конечно, считали, что самым сильным божеством был *тол таяӈан* (водяное божество).

Земля, по представлениям нивхов, — плоская и ограничивается линией горизонта. Это приводило к тому, что нивхи обычно хо-

[1] Шренк Л. И. Об инородцах Амурского края. Т. III. СПб., 1903; Штернберг Л. Я. Первобытная религия. Л., 1936; Иванов С. В. Орнаментика и обряды, связанные с амурской лодкой. — СЭ, 1935, № 3—4; Крейнович Е. А. Очерк космогонических представлений гиляков Сахалина. — Этнография, 1929, № 1, и др.

рошо знали географические особенности лишь той местности, где они были расселены. Районы нижнего Амура и Сахалина, заселенные нивхами, связаны с бассейнами морей, многочисленных рек и озер, а также занимают множество островов. Это дало основание нивхам считать, что и в других местах такой же ландшафт.

Согласно старым представлениям нивхов, земля — это живое начало, которому приписывали человеческие черты (она способна шевелиться — землетрясение). Примечателен рассказ нивхов об острове Сахалине. Его они представляли себе человекоподобным существом, лежащем на правом боку лицом к материку: полуостров Шмидта — это голова, узкое место острова севернее города Охи — шея, Восточно-Сахалинские горы — позвоночник, мыс Анива и мыс Крильон — ноги, достигающие пролива Лаперуза, район города Охи — сердце, откуда вытекает кровь — нефть.

Нивхи говорят, что предки их помнили, как однажды остров, лежавший на левом боку лицом к Охотскому морю, перевернулся на правый бок лицом к материку. Подобным образом им представлялась вся природа.

В каждой географической среде — в сопках и лесах, в морях и реках — есть обитатели, которые ведут такой же родовой образ жизни, как и люди. Среди них выделялись также старейшие, которые распоряжались своим хозяйством. Например, в лесах, на высокой сопке или на большом утесе живет *пал ыз* — хозяин леса, а с ним целое селение его сородичей. Это те же нивхи, но связанные с лесным миром. В их подчинении — все звери тайги, в том числе и медведи. В тихую погоду, говорят нивхи, можно услышать голоса «лесных людей».

В многочисленных мифах мы встречаем рассказы нивхов, посещавших лесных жителей во время поисков своих сестер, вышедших за них замуж, или сородича, ушедшего по доброй воле с медведем к его хозяевам. Эти путешественники рассказывают, что быт лесных людей построен так же, как у нивхов. Такое же жилище, нары, котлы, пища, и т. д. Правда, иногда вместо людей фигурируют медведи, вступившие в брак с нивхскими женщинами. Здесь важно добавить, что селения лесных людей состояли также из одного-двух жилищ, расположенных в такой же среде, как селения нивхов.

Между обществом нивхов и коллективом лесных людей в целом устанавливались пормальные отношения. Нивхи, которым лесные люди постоянно посылали пушных и мясных зверей, старались соблюдать по отношению к ним мирные отношения и уважение. Последнее выражалось в том, что, находясь в лесу, в сопках, нивхи соблюдали определенный порядок, они не оскверняли землю своим поведением, т. е., будучи в лесу, нивхи не ругались, громко не разговаривали, не ломали деревья, не рыли землю и т. д. Одним словом, нивхское население каждой местности старалось сохранить мирные отношения со своими соседями — лесными людьми, живущими рядом с ними. Благодаря таким мир-

ным взаимоотношениям, лесные люди не только присылали ежегодно нивхам определенное количество лесных зверей, но и позволяли им благополучно путешествовать по земле. Последнее обстоятельство имеет важное значение в жизни нивхского населения, постоянно связанного в хозяйственной деятельности с тайгою.

Оказывается, нивхи могли обращаться и к хозяевам других земель и другой тайги через хозяев своей тайги. Это обычно делалось в тех случаях, когда житель какого-либо селения уезжал в другое место на постоянное жительство или посещал его временно. В таких случаях старейший из нивхов, обращаясь одновременно к хозяину тайги, где они жили, и хозяину той местности, куда уезжал человек, просил позволить благополучно «ходить», «находиться» такому-то на земле нового хозяина.

Материалы о нивхских представлениях говорят, что между нивхами и лесными людьми происходили брачные связи. В одном предании, например, говорится, что вечером охотник увидел, как с сопки спускалась женщина с коромыслом на плечах и пела песню. Набрав воды, она медленно стала подниматься в гору. В это время нивх крепко обхватил ее за талию и стал прижимать к себе. Когда он открыл глаза, то увидел, что обнимает лиственницу. Эта женщина несколько раз спускалась по воду и проходила мимо охотника. Нивх жил в лесу, думая только о лесной женщине, но никак не мог завладеть ею, хотя она регулярно спускалась за водой. Однажды эта женщина остановилась около охотничьего шалаша, поставила ведра и вошла в шалаш. Охотник сказал женщине: «Пожалей меня, я взять тебя думаю». Тогда женщина ответила: «Я тоже так думаю». Затем они жили вместе в шалаше и отправились вместе в селение охотника. Так нивх взял в жены настоящую «горную» женщину, и с тех пор его сопровождал успех на охоте.

Мифы говорят о том, что и нивхские женщины выходили замуж за лесных людей. Чаще всего это происходило, когда мужей их или братьев не было дома. В это время лесные люди уводили красивую женщину. Нередко последние не оказывали сопротивления. Мужья или братья, вернувшись домой и узнав о случившемся, устраивали погоню. Она обычно приводила их в жилище лесных людей. Встреча нивхов с последними заканчивалась миром. В таких случаях они уезжали домой, нагруженные ценными шкурами, а в дальнейшем их сопровождал успех на охоте. Но иногда нивхи вынуждены были вступать в вооруженный конфликт с похитителями, который нередко заканчивался жертвами как с той, так и с другой стороны.

Согласно нивхским мифам, их женщины выходили замуж за медведей, тигров, лисиц и других зверей, выступавших также в образе лесных людей. Эти браки, как правило, основывались на похищении женщин в лесу, когда те собирали ягоды, орехи, корни сараны и т. д.

Водное пространство, по мнению нивхов, — это целая система, построенная так же, как и человеческий мир. Они сравнивали море с большим домом, в котором жил седовласый старик или старуха, иногда оба вместе. Кроме них, в море жило (плавало) множество различных рыб и тюленей, росли водоросли. Такое представление нивхов получило отражение и в их фольклоре. Надо заметить, что в нем немало вариантов описания подводного мира.

Седовласые старики и старухи, которых нивхи называли *тол ыз* — «хозяин воды (моря)» или *таяӈан* — «могучий хозяин», в фольклоре изображались по-разному. Как правило, их награждали положительными качествами. Жили они в больших жилищах, таких же, как нивхи, ездили на собачьих упряжках зимой, а летом — на лодках и т. д. Вот эти хозяева воды и посылали людям рыбу и морских зверей, позволяли рыбакам спокойно плавать на просторах негостеприимного моря и бурных рек. Если хозяин воды был добр к людям, то он посылал им несметные стаи различных рыб и тюленей. Так, в одном сказании говорится, если хозяин воды бросает для людей четверть шкуры, то рыбы в море мало, если бросает половину шкуры — много, если целую шкуру, то великое множество. В других сказаниях говорится: чтобы было много рыбы, хозяин воды бросает чешую или икру. Интересно и то сказание, где хозяин воды достает из-за пазухи или из сундука, а иногда из мешка, горсть икры и бросает в сторону нивхов. Икра сразу же превращается в рыбу и несметными косяками идет в реки, по берегам которых живут нивхи.

Отношения между нивхами и жителями воды сопровождались постоянным и взаимным дарением подарков. Если хозяин воды посылает нивхам рыбу, то нивхи в свою очередь в знак благодарности устраивают ему угощение в форме кормления хозяина воды. Во время плавания на лодке нивхи вели себя сдержанно, как в гостях.

Обряд отправки гостинцев к хозяину воды назывался *тол ардь* — «воду кормить»; его нивхи организовывали дважды в год: весной во время освобождения реки ото льда и глубокой осенью сразу после становления льда. Весной старший в роде, проживающий в селении, просил приготовить ритуальную еду. Обычно это было перед самым вскрытием рек, когда лед поднимался. Обряд начинался с опускания в прорубь хвоста сушеной кеты, который предназначался для собак хозяина воды. После этого в прорубь бросали ритуальную еду — уже для самого хозяина воды.

Этот же обряд нивхи совершали и после замерзания рек и морского побережья и также через прорубь. При этом ритуальную пищу всегда несли к проруби в специальных чашках корытообразной формы *толӈир*. Эти корытца имеют зооморфное изображение, и мы классифицируем их на блюда с изображением рыб, морских зверей и птицы. По нашему мнению, на них изображены

наиболее ценные породы рыб, имеющие промысловое значение, различные виды тюленей и птиц-гагар.

Общение нивхов с «жителями воды» не ограничивалось этими обрядами. Во время езды на лодках и промысла рыбы нивхи бросали в воду табак — как бы угощали хозяина воды. Такие повседневные общения также способствовали контакту нивхов с хозяевами воды.

Нивхи, как мы упоминали, рассматривали море как особый мир, а зверей, живущих в нем, как мыслящих существ. В тюленях нивхи видели морских людей, которые приходили к людям. Старики нивхи считали, что если убивали нерпу на следующий день после «отправки гостинцев», то находили у нее на языке красные пятна. Значит она ела ягоды, содержащиеся в гостинцах. Когда же убивали нерпу в обычное время, то язык у нее якобы был чистый, без ягодных пятен.

Поэтому нивхи относились к тюленю с почтением, не издевались над ним, иначе с человеком и со всеми его сородичами могла приключиться беда. Нивх Тибелька рассказал, что кто-то из его рода поймал живую нерпу, привязал ее в юрте и держал как медведя. За это все его сородичи были жестоко наказаны: одни члены рода умирали, а другие вынуждены были покинуть свои дома и поселиться в других местах.

Следует привести здесь небольшую сказку «Пнапакхе Пачикхе» («Брат с сестрой»), в которой показано отношение нивхов к тюленям как к человекоподобным существам. Жили сестра и брат. Стали взрослыми. Брат стал охотником, добывал много пушных и мясных зверей. Вечерами уходил за селение, где встречался с женщиной-нерпочкой. Сестра удивлялась, зачем он все время уходит за селение?

Однажды, когда брат ушел в лес на охоту, сестра оделась в его одежду, взяла острогу и пошла за селение. Здесь села около небольшого утеса. В это время на берег вышла нерпочка — любимая женщина брата. Сестра вонзила в нее острогу и стала тянуть к берегу. Нерпочка же бросилась в воду. В этой схватке острога сорвалась, и нерпочка, оставляя кровавый след, уплыла.

Вечером, когда юноша пришел на свидание, то увидел, как к берегу подплыли две нерпочки, в которых он узнал братьев любимой. Братья рассказали о случившемся и сообщили, что они приплыли за ветками ели и лекарственными травами. Юноша при помощи нерп-братьев и белух проделал большое путешествие в страну морских жителей, где жила его невеста нерпочка, являвшаяся дочерью седого старика как хемар.

Юноша пришел прямо в дом своей невесты нерпочки, где обстановка была такая, как у нивхов. На наре сидел старик — хозяин дома, около него лежала без памяти его дочка. Ее лечили камланием шаман хозяина воды *тол ыз чамхара* и шаман хозяина тайги *пал ыз чамхара*.

Юноша, угостившись, стал играть на губном варгане. Девушка по характеру игры и мелодии узнала его. Затем юноша, обратившись к шаманам, сказал: «Шаманы! Шаманы! Разрешите мне спеть (камлать)». Седой старик, вздохнув, «Хы хоу» сказал: «Позвольте гостю попробовать свои силы». Юноша погрел на огне бубен (*ӷас*), слегка поскреб его и с разрешения старика стал петь (камлать). Благодаря этому раны зашились и девушка выздоровела. Седой старик, главный хозяин, прогнал всех шаманов, а юношу оставил у себя и выдал за него свою дочь.

У нивхов встречается много сказок, где говорится о том, как нивхские юноши перевоплощались в морских жителей, а девушки-нивхи выходили замуж за детей хозяина воды.

Подземный, потусторонний мир — второй мир, который тесно связан с земным, человеческим, так как люди после смерти переходили жить туда. Мир мертвых *млыво,* по воззрениям нивхов, ничем не отличался от земного. Там были те же долины и горы, реки и моря, то же небо со звездами, планетами, солнцем, луной, такие же рыбы и звери. Нивхи, пробиравшиеся туда, видели там тот же образ жизни, что и на земле. Только времена года и время суток там противоположны земным: если на земле зима — там лето, на земле весна — там осень, на земле день — там ночь и т. д. Считалось, что в потустороннем мире нивхи жили родами в рыбацких селениях на берегу рек, на морском побережье и т. д.

В мир мертвых нивхи пробирались так же, как и души умерших, через дыру. Предполагалось, что после смерти человека его душа в потустороннем мире обретала новую материальную форму, не способную ощущать мир живых людей. Поэтому, когда последние проникали в млыво, то жители потустороннего мира не могли заметить их присутствия.

Менее всего известен нивхам верхний мир,[2] возможно, потому, что нивхи в повседневной промысловой деятельности непосредственно с ним не связаны.

В нашем распоряжении имеется ряд космогонических материалов, которые характеризуют представления нивхов о верхнем небесном мире. Нивхи рисуют себе небо как особую землю *тлы миф,* на которой живут люди одинаковой с ними жизнью. Но на нем много отверстий, особенно там, где небо соприкасается с землей. Согласно преданиям, некоторые нивхи поднимались на небо, даже бывали случаи, когда они проникали туда через отверстие.

Существовало представление о том, что на луне живет женщина. Показывая на луну, нивхи говорят, что она всегда видна идущей по воду с коромыслом через плечо и ведрами. Эту женщину часто характеризовали как сплетницу *ралк умгу.* В этом убедились сами нивхи. Так, однажды земной нивх поднялся на

[2] Штернберг Л. Я. Первобытная религия, с. 35; Крейнович Е. А. Очерк космогонических представлений..., с. 100.

луну и вступил в близкие отношения с этой женщиной. Но когда он спустился к своим сородичам, то здесь уже все знали об этом. Будто сама женщина, живущая на луне, рассказала всем о происшедшем. Считалось, что на луне живет собака, которая время от времени пытается съесть ту же луну. В это время происходит лунное затмение. Нивхи спасали луну: с наступлением лунного затмения они выбегали на улицу и звоном железных предметов отвлекали эту собаку, отпугивали ее. При этом каждый нивх выкрикивал имя этой собаки. Нам приходилось наблюдать, как нивхи стреляли в собаку из ружей, пускали стрелы. Таким образом они спасали луну.

Нивхи меньше знают о солнце, хотя считают, что и на нем тоже живет собака, которая пытается его съесть. Во время затмения они спасают солнце тем же способом, что и луну. У нивхов существовал широко распространенный миф о множественности солнц (три солнца). Сначала на небе было одно солнце, одна луна, на земле было много людей, а в лесу и в воде — много зверей и рыбы. Потом погода испортилась и на небе стало три солнца и три луны. Наступила такая жара, что на земле погибло много животных. И лишь только после уничтожения лишних светил установилась нормальная современная жизнь.

У нивхов нет традиционного представления о строении звезд *уньӈр.* Есть лишь названия некоторых звезд, например, Полярная звезда известна как *Т'лы ӷаур уньӈр* — «Звезда Небесного живота»; Марс — *К'еӿ уньӈр* — «Лисья звезда»; Венера — *Кувр уньӈр*; Юпитер — *Пила уньӈр* — «Большая звезда»; Большая Медведица — *Няӈр нё* — «Крысиный амбар»; Малая Медведица — *Тамла уньӈыр* — «Много звезд» и т. д.

Звездное небо нивхи называли *уньӈр тлы* и рассматривали как землю, на которой имелась своя жизнь. Например, про падающую звезду нивхи говорили: «*унигыр чмаир видь*» («звезда в гости ушла»), а про Млечный Путь — *таиранд (таяӈан) зиф,* что можно перевести как «след могущественного хозяина неба Таяӈан». При падении небольших звезд нивхи говорили: «*уньӈр одь*» («звезда испражняется»).

Молнию и гром нивхи рассматривали как действие птицы *тинд,* из клюва которой выходит молния, а взмах крыльев производит гром. Зимою птица спит где-то в море, а в летнее время выходит на волю и вступает в борьбу с лесными людьми, с которыми находится во враждебных отношениях. В это время птица тинд ищет прячущихся за деревьями лесных людей и молнией сжигает деревья.

Ветер *ла* приходит на землю нивхов через отверстия на небе. Нивхи различают восточный ветер *ламс,* северный *ари,* южный *конгр,* дующий по Амуру с верховьев реки *кенгила* и т. д.

У нивхов Амура широко известна сказка, в которой рассказывается, как однажды осенью перед промыслом лососевой рыбы подул сильный низовой ветер со стороны Амурского лимана и

долго длилось ненастье, мешая рыбному промыслу. Тогда среди нивхов нашелся смельчак, который попытался заткнуть отверстие на небе, откуда дул низовой ветер.

По представлению нивхов, ветер — это действия какого-то живого существа, которое «шутит» над людьми. В литературе есть и конкретное указание на то, что ветер делает какая-то женщина.[3] Если эта женщина сидит дома и шьет, то стоит тихая и ясная погода; если же она выходит из дому и начинает бегать, то от ее развевающейся одежды поднимается ветер, хмурится небо. Когда она мочится — идет дождь.

Если ветер дул долго, по нескольку дней, и мешал заниматься промыслом, то нивхи стреляли в ветер — *ла хадь*. Это заметил еще в середине XIX в. Л. И. Шренк. На Сахалине при нем нивхи прикрепили к концу длинного шеста, воткнутого в снег, четырехугольный кусок тюленьей шкуры, предназначенный в жертву буре.[4] Он видел также, как нивхи взяли стрелу с наконечником в виде двузубой вилки. Между зубцами был зажат табачный лист с кусочком тлеющего трута. Стрела была пущена против ветра. Нам пришлось наблюдать уже в 1953 г., как нивхи, сердясь на ветер, стреляли в него из ружья. Говорят, что в том месте, куда попала стрела или пуля, видели кровь.

Во время нахождения охотника на промысле, если поднимался сильный ветер, домашние устраивали *лазанть(дь)*, что значит «бить ветер». Для этого брали маленьких девочек на руки и раскачивали их. Таким образом успокаивали ветер.

В небесном мире, кроме главного его хозяина *таиранд*, жили такие же люди, как и сами нивхи, только нивхи не могли их видеть. Широко распространено представление о том, что люди неба когда-то ловили на спущенные ими с неба удочки людей земных — нивхов и утаскивали к себе наверх.[5] Повсеместно нивхи говорили нам, что *тлы ыз* — «хозяин неба», *тлы нивхгу* — «люди неба» — видят все, что делается на земле. Это представление находит свое отражение в следующей сказке.

Два молодых нивха из одного селения пошли далеко на охоту. На месте, где они собирались охотиться, остановились у толстой лиственницы в четыре обхвата. Решили расположиться здесь на ночлег, разожгли огонь, сварили пищу, поели и легли спать. Один из охотников был холост, а второй — женат, и жена его ждала ребенка. Ночью холостой слышал разговор внутри дерева, но не придал этому значения и утром даже не рассказал об этом своему товарищу. Позавтракав, каждый по отдельности ушел на охоту. Холостой вернулся к середине дня, не добыв ничего. Женатый вернулся поздно с богатой добычей. После ужина прилегли отдохнуть. В это время услышали разговор, который доносился из дерева: «Ой, ноги болят, устал». — «Где ты был?». — «Везде

[3] Крейнович Е. А. Очерк космогонических представлений..., с. 80.
[4] Шренк Л. И. Об инородцах Амурского края, с. 39—40.
[5] Штернберг Л. Я. Гиляки. СПб., 1905, с. 49.

ходил — по Амуру и по морю». — «Много людей родилось?». — «Родился только один ребенок, сын охотника, который находится рядом с нами. Я сделал так, чтобы этот ребенок подавился мясом, и поэтому устроил так, чтобы его отец добыл много мяса».

Охотники решили узнать, кто же разговаривает, стали искать в дупле, залезли даже на вершину дерева, но не нашли никого. Вернувшись домой, о слышанном рассказали старшим. Старики им объяснили, что хозяин неба очень могуществен. Он отмечает всех новорожденных и назначает сроки их смерти. С наступлением этого времени люди умирают. Если же хозяин неба кем-нибудь недоволен, тот умирает раньше срока.

Согласно представлениям нивхов, они ведут свое происхождение от лиственницы. Это наиболее распространенный вариант среди всех групп нивхского народа, но с чего начался процесс происхождения людей — нивхам неизвестно.

По представлениям нивхов, люди и их души должны были пройти несколько миров: земной *миф ыр* — «земной период», потусторонний *млы во* и мир природы. Самая короткая жизнь — на земле. Этот период настолько короток по сравнению с жизнью человека в другом мире, что «за это время можно успеть лишь завязать повязки обуви». Поэтому и землю нивхи называли *кидр хупво* — «селение для завязывания обуви».

Период жизни в потустороннем мире — «селении мертвых», куда переселялись после смерти, считался самым продолжительным, поэтому его называли «долгое место жизни», «место постоянной жизни». В потустороннем мире нивхи жили родами, и при смерти одного из членов рода обычно говорили: «Ушел к своим». Если умирала девушка, то говорили: «Ушла к своему жениху, который раньше нее ушел в млыво». При смерти юноши: «Ушел к своим родителям». Предполагалось, что после смерти человека в потустороннем мире его душа обретала новую материальную форму, не способную ощущать мир живых людей.

После смерти во втором мире человек попадал в третий мир. Его тело превращалось в дерево, траву, бабочку, птичку, комара или другое насекомое. Возможно, поэтому нивхское слово *мудь* («умереть») означало «стать», «перевоплотиться».

Смерть человека нивхи объясняли двумя причинами. Первая — естественная; человек прожил на земле положенный ему срок и уходил в селение своих предков — в млыво. Поэтому при смерти стариков нивхи говорили: «*Эна ворох вины ыр прынын яныдьна! Ургур виӈаз*!» — «Пришло время уходить в другое селение (имеется в виду млыво), что поделаешь! Пусть хорошо дойдет!».

Нередко, конечно, случалась и преждевременная смерть из-за болезни, несчастного случая и т. п. Такая смерть объяснялась кознью того или иного злого существа.

Душу человека нивхи Амура называют *т'ауӈ*, а восточного побережья Сахалина — *теӈоӈ*. По их представлениям, душа умершего — это нечто невидимое, бестелесное, поэтому ее увидеть

нельзя, а можно только услышать. Иногда ее видят ночью. Душа уходит от человека с последним вздохом.

Душа младенца улетает на небо, поэтому их не сжигают, а устраивают им воздушное захоронение. Она не приносит зла и, улетев, не дает о себе знать.

Души же «нормально» умерших людей с последним вздохом выходят из человека и гуляют по миру. Если во время нахождения трупа дома слышны голоса или шум, то это значит, что по дому ходит душа умершего.

Во время сожжения трупов, по записям Е. А. Крейновича, душа умершего сидит в стороне и наблюдает вместе с другими пивхами, как горит тело.[6] Сжигают же нивхи труп без души и называют его *хавскай*, что означает «пустое тело».

С момента сожжения трупа и до поминок *чхар озу ыр* «время поднимания дерева», по мнению нивхов, душа бродит по дорожкам вокруг дома, осматривает, где она раньше жила, наблюдает за живыми людьми, навещает места, куда ездила во время морских и рыбных промыслов, а также отправляясь в гости. Одним словом, за этот период она должна посетить все, где побывал человек до смерти. И уж только после последних поминок она, снаряженная всем необходимым для дальнего пути, отправляется в потусторонний мир — мир мертвых.

Иногда душа возвращается назад и напоминает живым сородичам о себе. Это обычно бывает в тех случаях, когда те забывали «отправить» с нею в потусторонний мир какие-нибудь личные вещи умершего. Особенно «плохо ведут» себя души злых людей. Разгуливая среди сородичей, они часто приносят им вред, оставляют болезни и даже убивают, чтобы увести их души с собой в мир мертвых. Нивхи изредка «видят» их. Если их окликнуть, то они исчезают.

В некоторых случаях нивхи вынуждены были убивать душу злого человека, который приносил горе живым, особенно если тот хотел, чтобы умерли и другие люди. Душа, например, приходит в дом посмотреть на сородичей. Нивхи иногда после сожжения трупа слышали ее голос. Бывало, что ночью неожиданно нивх «увидит» приход души домой. После этого он обязательно захворает и умрет. Поэтому нивхи «убивали» злые души, бродившие среди живых сородичей. В селении Чайво нивх Надюн рассказал нам такой случай. У одного нивха умерло четверо детей. Заболел и пятый. Тогда он сделал из травы фигуру человека, прикрепил на дереве около места сожжения своего последнего сына. Стал караулить с пяти-шести часов вечера. Через два-три часа появилась собака, покружилась несколько раз на этом месте. Затем пришли две собаки. Они, как и первая, стали кружиться. После их ухода появился человек и встал рядом с травяным чу-

[6] Крейнович Е. А. Рождение и смерть человека по воззрениям гиляков. — Этнография, 1930, № 4, с. 105.

челом. Тогда копьем или из лука нивх убил этого пришельца, у которого была злая душа *теӈон*.

По рассказам нивхов, души разговаривают. Особенно в этом можно убедиться, прислушиваясь к голосам, раздающимся из надгробного домика. Были случаи, когда смельчаки шли почью на кладбище послушать эти разговоры. В надгробных домиках от них стоит гул.

Души умерших, по мнению нивхов, в конце концов превращаются в траву, бабочек, личинки, черемуху, кукушку и т. п.

Образное представление у нивхов есть и о душе утопленника *тол млах*. Она уходит в *тол млыхво* — «селение потустороннего мира воды», где много рыбы и морских зверей. Но там она долго не живет, приблизительно через три года переходит в млыхво, в потусторонний мир земных людей.

Души утопленников также могут возвращаться в мир живых сородичей и бродить. Если они будут обнаружены, то их надо уничтожить, иначе они могут принести много горя живым, унести души некоторых из них. В селении Милкво на восточном побережье Сахалина нивх Пулкун рассказал нам следующее. Когда утонет человек и долго не могут найти его труп, тогда в один из вечеров все родственники усаживаются дома по углам, в темноте, сидят тихо. В это время душа утопленника открывает дверь и слышен шум волны. Душа дышит и издает звуки. В этот момент ее кто-то хватает, а кто-нибудь из присутствующих загораживает выход, чтоб она не ушла обратно. После этого обязательно находят утопленника и устраивают захоронение.

Труп человека, убитого медведем, клали в усыпальницу в виде клетки медведя. Его душа, по мнению нивхов, превратившись в этого зверя, уходила в лес и там продолжала жить. Поэтому, когда убивали большого старого медведя в лесу, нивхи говорили: *атак худь* — «убил деда», *апах худь* — «убил дядю» и т. д. Возможно, этот факт служил поводом для обожествления пивхами этого зверя. Любопытно, что такое представление о душе человека, задранного медведем, бытует и у некоторых семейно-родовых групп ульчей, живущих по соседству с пивхами.

По представлению нивхов, очень сложно складывалась судьба души человека, убитого чужеродцами, которая превращается в птицу *тахч*. Она витает по вселенной до тех пор, пока не будет совершена кровная месть или ритуальный обряд, заменяющий ее примирением. И только после этого душа убитого улетает вверх и превращается в насекомых, траву и т. д. Душа самоубийцы так же, как и души людей, умерших своей смертью, отправляется в потусторонний мир мертвых к своим предкам.

Любопытные материалы мы имеем и о судьбе душ собак.

Исследователей интересовало, куда же уходила душа собак после их смерти. Исходя из представлений ряда народов, в том числе орочей Советской Гавани, Е. А. Крейнович предполагал, что и у нивхов загробный мир собак помещался перед загробным

миром людей.[7] Тут нам хотелось бы сделать уточнение. По представлениям нивхов, те собаки, которых убивали при похоронах детей и мужчин, уходили вместе со своими хозяевами в загробный мир людей. Там они жили и помогали людям, как в настоящем земном человеческом мире. В легендах и мифах о загробном мире рассказывается, что там собаки в упряжке возили нарты и буксировали лодки. Собаки же, которых отправляли хозяину воды (моря) и тайги, жили в воде или в тайге. Нередко в мифах говорится о том, что на собачьих упряжках седовласый хозяин объезжает свои владения. Собаки же, ушедшие к лесному хозяину, жили в лесу и служили ему.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что нет специального потустороннего собачьего мира. Душа собак после их смерти помещается вместе с человеческой в общем потустороннем мире млыво. Но есть души собак, которые не попадают ни в потусторонний мир, ни в мир хозяина тайги и леса. Они носятся по земле и наносят вред человеку, собакам и т. д. Это обычно души сумасшедших собак. Они пугают людей, зверей и т. д. Чтобы покончить с кознями душ злых собак, нивхи охотились за ними ночью с копьем и луком. Хороший стрелок должен с одного броска или выстрела уничтожить ее. Как правило, это им удается сделать, иначе злая душа сумасшедшей собаки будет продолжать свои козни.

У нивхов нет ясного представления о происхождении животных. Ответа мы не находим и в фольклорных материалах. Нам только известно, что звери приходят к людям добровольно. Каждое животное — настоящее человекоподобное существо, такое же, как и сам нивх, одаренное разумом и силой, какими обладает человек. Именно такими видели их нивхи, которым удавалось «побывать» в селениях лесных людей, в стойбищах людей, живущих в воде, море. Это обстоятельство заставляло нивхов обращаться с морскими и лесными зверями, как с разумными мыслящими существами. Например, находясь на морском зверобойном промысле, охотники, разговаривая между собой, не называли цели своего визита. Делалось это для того, чтобы скрыть от зверей свои намерения. Кроме того, по мнению нивхов, морские звери, особенно тюлени, способны имитировать поведение членов семьи охотников, живущих в значительном отдалении. Поэтому по действиям тюленя можно узнать, что делается в доме охотника.

Материалы устного творчества нивхов, в частности их этиологические сказки, убедительно подтверждают взгляд нивхов на животных и рыб, как на разумно мыслящие существа, которые объяснялись не только между собой, но и с людьми. В этом отношении любопытен следующий миф об острове Сахалин, который мы записали в селении Старый Набиль на восточном побережье Сахалина.

[7] Крейнович Е. А. Собаководство гиляков и его отражение в религиозной идеологии. — Этнография, 1930, № 1, с. 52.

Сахалинская земля появилась (родилась) давно. Тогда голова была вверху, ноги внизу, сердце на востоке и т. д. Но однажды земля повернулась лицом к материку. Все живое на острове погибло. Остались живыми люди только в двух селениях — в одном сестра и два брата, в другом — несколько человек. Однажды старший брат увидел полянку, по сторонам которой стояли два дерева; на одном сидела белка, а около другого пищал заяц. Когда человек подошел ближе, заяц спросил: «Много вас осталось в живых?». — «Нет, трое!» — «Передайте всем, что после обеда здесь собираются люди и звери, оставшиеся в живых». Человек, вернувшись домой, передал эти слова своим брату и сестре. Когда они пришли на условленное место, то увидели там нерп, лисиц, выдр, медведей и других зверей, похожих на нивхов. Лиса подошла к зверям, а заяц — к людям. Лиса сказала зверям: «Я обращаюсь к вам от имени солнца, луны и неба. Нас осталось мало, и мы будем живы только в том случае, если вы будете соблюдать следующие условия. Олени должны добывать себе корм своими копытами, лисицы, соболи, выдры и другие мелкие звери должны питаться травой. Медведь не должен есть зверей, а должен на длительное время ложиться в берлогу — в спячку».

Заяц спросил людей: «Вы помните, что вы ели?». — Ответили: «Помним». — «Тогда ешьте все, но только не убивайте зверей на мясо». Кроме того, заяц и лисица призвали людей и зверей заботиться о воспроизводстве потомства, чтобы на острове снова было много обитателей.

Представляет интерес отношение нивхов к морским касаткам, которых назвали *ыз* — «хозяин». Когда на пути рыбаков появлялись морские касатки, то нивхи говорили, обращаясь к ним, *экт прыдь* — «просить пришли». Старейший охотник говорил: «У нас ничего нет, но хоть немного с вами поделимся, вас накормим». И тут же бросали в воду часть запасов провизии и стружки *инау*. Нивхи-старики говорят, что касатки долго находятся в пути, у них не хватает огня, пищи и т. д. Тогда они идут за помощью к людям, поэтому охотники вместе с едой бросают огонь. В знак благодарности за угощение морские касатки убивают китов и подбрасывают якобы к лодке большие куски китового жира и мяса.

По мнению нивхов, звери, которых они убивали, воскрешаясь, уходили к своим сородичам, так как душа их не погибала. Но это могли они осуществить лишь при наличии всех своих костей. Поэтому нивхи на специальных лабазах складывали все кости белухи и тюленей, а в ритуальный амбар *лезу* — кости медведя. В мифах нивхов люди и звери вступали в семейные брачные связи.[8] Так, есть мифы, где описываются обстоятельства, при ко-

[8] Штернберг Л. Я. Материалы по изучению гиляцкого языка и фольклора. Т. I. СПб, 1908.

торых нивхский юноша вступает в брак с дочерью лесных людей, приходящей к людям в образе медведя, тигра, лисицы и т. д. Нередко за последних якобы выходили замуж нивхские девушки. Встречаются мифы, в которых говорится, как в семьи нивхов вливались женщины лесных жителей, вышедшие замуж за нивхских юношей.

Нивхи широко общались не только со своими соплеменниками, но и чужеплеменниками, жившими на земле. Мифы и сказки нивхов говорят о том, что народ широко общался и с теми, кто обитал в водном, лесном и небесном мире. Им «доступен» был и потусторонний мир, где жили умершие их сородичи и соплеменники. Подобные представления нашли отражение в религиозных верованиях нивхов.

И. С. Вдовин

ПРИРОДА И ЧЕЛОВЕК В РЕЛИГИОЗНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ЧУКЧЕЙ

Содержание всякого религиозного сознания составляют представления, настроения и действия (культы). Религиозные представления и связанные с ними идеи наиболее полно отражаются в мифах данного народа. Однако не все мифы порождают религиозные представления, но все они, вместе взятые, создают картину раннего, донаучного мировоззрения данного народа, выражают понимание им «причинной связи между явлениями».[1]

Религиозные представления развивались в двух направлениях. Первое — понимание и толкование явлений природы, всей совокупности ее ощутимых проявлений (представления о явлениях природы, о животном и растительном мире, о происхождении и устройстве вселенной), и второе — развитие представлений о появлении человека, его связях с природой, о его положении в окружающей среде, перенесение им социальных условий собственной жизни на природу, на проявления сверхъестественного мира. В религиозных представлениях о человеке, обществе наиболее непосредственно отражается состояние социально-экономического развития той или иной народности на данном отрезке ее исторического развития.

Все представления о сверхъестественных благорасположенных к человеку существах («духах») — племенных, общинных, семейных — вытекают из понимания общественно-экономических отношений данного народа.

В таком же плане складываются представления о вредоносных существах, антиподах благорасположенным к человеку существам.

Для всей системы религиозных представлений общества, находящегося на стадии разложения первобытнообщинных отношений и перехода к классовому, характерен дуализм. Он пронизывает все представления, лежит в основе понимания как природы, так и общества, человека. Поэтому мы считаем необходимым в первую очередь остановиться на системе представлений о природе и человеке, как базовых, фундаментальных, на которых зиждится вся религиозная структура, все ее формы проявления,

[1] Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. III. М., 1957, с. 331.